

Восемнадцатилетний Томми больше не довольствовался тем, что ему удавалось подглядывать за трусиками своей сексуальной сестры Кристины, за ночной рубашкой, за ее светлой киской, за блузкой, за ее бюстгалтером и декольте, и за ее грудью с чашечками С, заложенными в ночную рубашку. Он хотел пойти на риск, чтобы увидеть все это, поэтому он пробрался в спальню сестры, спрятался в ее шкафу, надеясь увидеть, как она раздевается догола, готовясь принять душ. Это было нелегко сделать, он уже несколько раз струсил и ждал подходящего случая, чтобы незамеченным пробраться в ее комнату и спрятаться. Он прислушивался к тому, где она находится и где в доме его родители, прежде чем спрятаться в шкафу. Не желая, чтобы мать, отец и/или сестра увидели, как он прячется в спальне сестры, он не хотел, чтобы его поймали еще до того, как он займет свое место.

Вопреки его здравому смыслу, его родители были бы очень разочарованы в нем, если бы узнали, что их сын извращенец. И все же, скрываясь за пеленой своей религии, Томми знал, что его отец был таким же кровосмесительным извращенцем, как и он сам, когда дело касалось его дочери Кристин. Неважно, не заботясь о том, что подумают о нем родители, ради острых ощущений от вида обнаженной сестры, он позволил своей извращенности взять верх над собой. Он был так возбужден, настолько возбужден, что рисковал быть пойманным сестрой и донести на родителей за подглядывание.

Он устал представлять себе, как она выглядит обнаженной, и хотел хоть раз увидеть сестру без одежды, чтобы помастурбировать над всем, что он видит. Разве это слишком - хотеть увидеть сестру обнаженной, когда она дразнила его вспышками своего совершенного тела? Не слишком ли сильно он хотел увидеть сестру голой, когда она обнажалась перед очень многими своими парнями? Играя роль хорошей девочки перед родителями, которые были посвящены в истории ее сексуальной распушенности, он знал, что его сестра - шлюха. Как будто она проститутка, каждую неделю к ней приходит новый мужчина.

Теперь было слишком поздно менять свое мнение, он уже был на месте, прячась в ее шкафу в ожидании, когда она поднимется наверх, войдет в свою спальню и переоденется. Через шкаф, который находился у наружной стены и нависал над лестницей внизу, он слышал, как их отец в холле внизу разговаривал со своей дочерью, своей невинной, маленькой любимицей.

"Кристина, дорогая, у тебя есть минутка?". Ее отец уставился на свою дочь так, словно она была голой.

"У меня всегда есть время для тебя, папочка", - ответила она с верхней ступеньки лестницы.

Слушая их разговор, Томми представил себе, что из-за короткой юбки, в которую была одета его сестра, и из-за того, что она стояла над отцом на лестнице, у отца был хороший вид на трусики дочери. Когда на ней была такая короткая юбка, как сейчас, Томми имел привычку вступать с сестрой в разговор, когда она была почти на самом верху лестницы, а он стоял внизу. Как если бы она была участницей конкурса "American Idol" или одной из певиц "The Voice", стоящей высоко на сцене в короткой юбке, а зрители внизу, как это делал сейчас ее отец, Томми задержал ее, чтобы просто поглазеть на ее трусики. Ей не нужно было наклоняться или наклонять голову, чтобы он увидел ее сексуальное белье. Либо она не знала, что он может видеть ее трусики, либо ей было все равно, что она демонстрирует ему свои трусики.

"Я хотел поговорить с тобой, и кроме как просто выложить все начистоту, я не знаю, как еще это сказать", - сказал он с сомнением.

"В чем дело, папочка? Что случилось? Ты выглядишь таким обеспокоенным", - сказала она, несомненно, притворяясь искренней, как она всегда делает, когда чего-то хочет от отца.

Генри, жизнь которого была наполнена религией, посмотрел на свою дочь и по-отечески улыбнулся ей, прежде чем им овладел дьявол и бросил на нее косой взгляд.

"Я знаю, это то, что ты делаешь в молодости", - сказал он, пожав плечами. "Мне неловко говорить это моей собственной дочери, но в последнее время ты одеваешься как шлюха".

"Папа? Ты только что назвал меня шлюхой?" Она выглядела так, как будто вот-вот расплчется.

"Нет, я не называл тебя шлюхой, Кристина. Я бы никогда не назвал тебя, свою собственную дочь, шлюхой. Я сказал, что ты одеваешься как шлюха", - он выразительно развел руками, как будто рассказывал историю в церкви своим прихожанам. "В последнее время ты одеваешься очень неподобающе, юная леди", - сказал он, указывая на нее пальцем праведности, как будто она все еще была его маленькой девочкой в младшей школе, а не взрослой студенткой колледжа.

"Что ты имеешь в виду, папочка?"

"Как будто она не знала, она точно знала, что он имел в виду", - подумал Томми, слушая их разговор из шкафа своей сестры.

Готовая пойти в свою комнату, чтобы переодеться и принять душ, она посмотрела на себя со своего места на лестнице, прежде чем уронить полотенце, которое держала в руке, и подняться в душ. Повернувшись к нему спиной, она отвернулась от отца, чтобы взять полотенце. Будучи чирлидером футбольной команды своего колледжа, она, словно собираясь сделать движение чирлидинга, стойку на руках, колесо или кувырок, согнулась в талии, чтобы подхватить упавшее полотенце. Глаза ее отца, словно он подавился рыбной косточкой, чуть не выскочили из его головы, когда перед ним открылся такой вид на киску и попку его дочери в бикини.

"Именно это я и имел в виду, Кристина, именно это я и имел в виду", - сказал он, указывая на ее трусики, как будто он был полицейским по трусикам. "Твоя юбка такая короткая, слишком короткая, Кристина. Каждый раз, когда ты двигаешься, ты показываешь мне свои трусики", - сказал ее отец, поправляя свою наметившуюся эрекцию, когда его дочь отстранилась от отца, чтобы посмотреть на себя сверху вниз.

"Фу, папочка. Ты видел мои трусики? Мне так стыдно", - сказала она с видом шокированного удивления, притворяясь смущенной и не краснея.

"Честно говоря, Кристина, я старался не смотреть, но когда ты согнулась в талии, чтобы взять полотенце, стоя на верху лестницы, вместо того, чтобы присесть на корточки, как положено леди, я не мог удержаться, чтобы не увидеть все, что ты нескромно и безнравственно показывала. Ты должна понять, дорогая, с моей точки зрения, я не мог не увидеть твои красивые, розовые трусики бикини", - медленно произнес ее отец, как будто в сексуальной фантазии он описывал ее красивые, розовые трусики бикини. "Надеюсь, ты не будешь так выгибаться на улице или в торговом центре перед мужчинами?"

Он смотрел на свою дочь так, словно она была блюдом из семи блюд, а он был голодным человеком. Несомненно, представляя, как она демонстрирует мужчинам свои трусики, когда идет по эскалатору или покупает туфли в обувном магазине, по его крепнущей эрекции было очевидно, что он испытывает сексуальное влечение к своей дочери. Очевидно, что если один только вид трусиков Кристины так сексуально возбудил его, то отцу не потребуется ничего больше, чтобы захотеть заняться с ней сексом.

"Прости, папочка. Спасибо, что рассказал мне. В следующий раз я буду осторожнее. Я всегда слежу за своей короткой юбкой. Я всегда приседаю, когда роняю что-то на улице, и, если только я не в джинсах, я никогда не наклоняюсь вперед, когда поднимаюсь на эскалаторе", - сказала она, откинувшись назад, несомненно, чтобы продолжить дразнить отца, давая ему возможность лучше рассмотреть ее трусики. "Мне было слишком комфортно в моем собственном доме, и, доверяя тебе, я просто не подумала", - сказала Кристина, пожав плечами и сексуально улыбнувшись.

'Тупая блондинка, обтянутая телом стриптизерши, она была просто большой дразнилкой', - подумал Томми, слушая их бессодержательный разговор. Она получала от отца все, что хотела и в чем нуждалась, демонстрируя ему свое сексуальное тело, привыкла управлять мужчинами, давая им то, что они все надеялись от нее увидеть, может быть, она все-таки не такая уж и глупая?

Умышленно или неумышленно, он не мог сосчитать, сколько раз его непослушная сестра показывала ему свои трусики, киску, лифчик и сиськи, особенно когда ей нужна была услуга. На этот раз, спрятавшись в ее шкафу, вместо того, чтобы видеть ее мельком, он увидит ее всю. Сегодня ночью, когда она не будет знать, что он прячется в ее шкафу, когда она раздеется, он увидит свою сестру голой. Голую, голую, голую, он не мог дождаться, когда увидит Кристину голой.

Он хотел бы оказаться внизу и смотреть на нее сверху, когда она покажет их отцу свои трусики. Если бы он покинул свое убежище в шкафу и вышел из ее комнаты, чтобы заглянуть к ней с лестницы, она бы услышала скрип пола и поняла, что он подглядывает в ее комнату. Как будто он был грабителем со второго этажа, планирующим ограбление ювелирного магазина, настолько он нервничал. Не смея пошевелиться, он сомневался, что сможет долго молчать, ожидая, пока она войдет в свою комнату и увидит, как она раздевается.

'Какого черта она сейчас делает? Просто поднимается наверх и раздевается, черт возьми! Он нетерпеливо ждал, гадая, где она и что делает.'

Поскольку ее туфли заполняли пол шкафа, и ему негде было стоять, кроме как на ее туфлях, заваленных слишком большим количеством одежды, в шкафу было мало места, чтобы спрятаться. Он едва мог закрыть дверь ее шкафа, когда он там находился, и как только она открывала дверь шкафа, она видела его. Надеясь, что она разденется до того, как откроет дверцу шкафа, он был готов быть пойманным с поличным за подглядыванием за сестрой, чтобы увидеть ее голой. Голая, голая, голая, он не мог дождаться, когда увидит Кристину голой.

<http://erolate.com/book/1092/27435>